

Его
РЕБЕНОК

Вероника Касс

Вероника Касс

Его ребенок

Серия «Отцовство в планы не входило»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68322616

Аннотация

На вечеринке, посвященной началу учебного года, меня опаивает одноклассник. Но я вовремя понимаю, что со мной что-то не так, и прячусь от него в одной из комнат огромного дома. И именно этой ночью хозяин дома возвращается из командировки и застаёт меня обнаженной в своей ванной комнате. Мужчина не понимает, что я предлагаю ему себя, находясь под веществами, — он принимает меня за девушку легкого поведения, и эту ночь мы проводим вместе. Наутро я сбегую, мечтая забыть обо всем, даже не предполагая, что у этой ночи уже появились последствия.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	29
Глава 4	40
Глава 5	52
Глава 6	61
Глава 7	73
Глава 8	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Вероника Касс

Его ребенок

Пролог

Когда я почувствовала, что со мной происходит что-то странное, было уже слишком поздно. Прислонившись к барной стойке на огромной кухне загородного дома Скольниковы, я залпом выпила стакан ледяной воды. Но жажда не прошла, так же как и удушающий жар. У меня даже горло не заболело, словно кто-то залил его лидокаином и оно совершенно ничего не ощущало.

Лучше бы я шум перестала слышать! Поставила стакан и заткнула уши ладонями. Слишком сильно была по голове громкая музыка.

– Кари-и-иша! – окрик, пробивающийся сквозь шум очередной увеселительной песни со стороны коридора, заставил меня перестать рефлексировать, и я не придумала ничего более умного, чем поднырнуть под стойку и спрятаться за двумя барными стульями, они как раз были очень интересного дизайна, с накидками, прикрывающими их ножки.

Вот и меня прикроют.

Присев на корточки, я начала обмахивать лицо ладонями. Проку от этого было мало. Рома меня чем-то опоил. Других

вариантов причин такого странного жара не оставалось. А еще в голове все было настолько мутным, словно я с утра налегала на бутылку, хотя я вообще не пью. Спасибо родному папочке, его генам, а также его постоянным запоям, которые я помнила до сих пор, несмотря на то, что мама от него сбегала, когда мне было пять, а моей младшей сестре три.

– Карин? – Послышались шаги, за ними еще одни и цокот женских каблучков.

– Рома-Ромка-Ромочка, – рассмеялась Василиса, наша общая одноклассница, – пойдем быстрее танцевать. У тебя такой крутой дом! Такая крутая выпивка и такие крутые друзья, – восторженно завизжала она, и, кажется, у нее действительно получилось его увести.

Я осторожно выглянула из своего укрытия, но все же не удержала равновесия и завалилась на колени. Слава богу, на кухне и правда никого не оказалось. Ноги затекли от слишком долгого сидения на корточках. Я, слегка пошатываясь, поднялась и осторожно побрела к выходу.

Мне нужно было спрятаться и переждать. Да! Идеально. А еще бы под холодный душ.

Романа Скольников в коридоре не было, так же как и Василисы. Были парни с нашего потока, они как раз направлялись в мою сторону, я вскинула руку, словно приветствуя их, и беззаботно улыбнулась. В таком состоянии, в котором я сейчас находилась, мне не пришлось даже ничего из себя строить и выдавливать дурацкую улыбку. Она появилась как-

то сама.

Парни оценивающе меня обсмотрели, а я постаралась идти ровнее и по минимуму вилять бедрами, в моем коротком сером комбинезоне это смотрелось бы слишком вызывающе.

Чем ближе я подходила к центральной части дома, тем громче била по ушам музыка и тем больше знакомых лиц мелькало передо мной. Все будет хорошо. Ну не набросится же Рома на меня у них на виду?

По лестнице начали подниматься два парня с блондинкой, и я поспешила за ними, надеясь, что они меня не заметят, а другие решат, что мы парочками решили уединиться. Думать о том, что староста параллельной группы действительно решила уединиться, да еще и не с одним парнем, а сразу двумя, я не хотела.

Они завернули в первую же дверь у лестницы, я же пошла дальше.

– Главное, чтобы запиралась, – прошипела я себе под нос, начав открывать все двери, попадающиеся мне на пути.

Добредя до самого конца коридора, я распахнула последнюю дверь и увидела механизм запираения изнутри, оглянулась и, не заметив ничего подросткового в комнате, решила остаться здесь. Хотя какой из Ромы подросток? Двадцатилетний лоб, который не давал мне прохода с тех пор, как перевелся в наш институт в начале года. Избалованный мажор.

Прислонившись спиной к двери, я выдохнула, чувствуя

облегчение, но ненадолго, меня начало потряхивать от жара, растекающегося буквально под кожей. Низ живота начало скручивать, и я свела ноги, часто задышав. Не оставалось никаких сомнений, что Рома подсыпал мне что-то, вызывающее желание. Кретин. Недоумок. Я стукнула ладонью по дверному косяку и оглядела комнату еще раз. На мое счастье, в ней было целых две двери, и первая же из них вела в ванную комнату.

Расстегнув сбоку комбинезон, я избавилась от него и от нижнего белья с такой скоростью, словно все мои проблемы были именно от него, босоножки полетели в ту же кучу, что и вся моя одежда.

Здесь не было душевой кабины, была просто перегородка, отделяющая половину огромного помещения, за которой был слив, от белых, явно дизайнерских смесителя, шланга и лейки для душа.

– Дизайнерская лейка, – фыркнула я, задвигая за собой перегородку.

Лейка – она и в Африке будет называться лейкой, даже баснословно дорогая. Ну или я просто не знала альтернативных названий.

– Господи-боже, да о чем же я думаю? – Я врубила холодную воду и почувствовала облегчение. Буквально на пару минут.

Когда зубы застучали, я прибавила теплой воды и, расслабившись, совершила самую большую ошибку в своей жиз-

ни – провела пальцами по ключицам и, застонав от удовольствия, смазанными движениями начала спускать руки все ниже и ниже, стремясь погладить себя в самых чувствительных местах.

Возможно, не сделай я этого, я смогла бы перетерпеть. Проспать и вовремя сбежать, но я пошла на поводу у своего одурманенного тела. И как только я получила разрядку, меня начало лихорадить еще сильнее. Моему телу нужно было еще, а мозг просто ушел в прострацию и перестал сообщать.

Это была настоящая агония, длившаяся бесконечность. Когда отъехала душевая перегородка, я не могла воспринимать этот мир адекватно. Лишь на уровне инстинктов, которые, казалось, убивали меня. И эти чертовы инстинкты просто всполошились, стоило мне увидеть голого, высокого, мускулистого и, кажется, даже красивого мужчину. Мозг лишь пискнул в последний раз, словно сигнальная лампочка: «Не Скольников», – и дал мне этим зеленый свет, полностью меня покидая.

Глава 1

– Морковочка моя, радость моя. Тетя Карина спасет тебя от этих нудных взрослых, – ласково щебеча над ухом у своей крестницы и прижимая малышку к груди, я понесла ее к матери, иногда путаясь в подоле собственного платья. – И маму твою тоже спасу, – улыбнулась я и чмокнула Маришу в сладкую щечку.

– Мама, мама, – восторженно вторила мне крестница.

Олеся с Глебом принимали поздравления. Поздравления от знакомых Глеба, потому что со стороны Олеси на этой шикарной свадьбе были лишь я, моя сестра, моя мама и моя крестница – дочь самой Леси. Всего приглашенных было человек двести, может и того больше, потому что огромный участок у дома был полностью заполнен людьми и круглыми столами, за которыми гости почему-то не особо-то и сидели.

– Мариша очень хотела к маме, – бодро соврала я, подойдя к молодоженам со спины, Олеся тут же обернулась и, с благодарностью посмотрев на меня, забрала морковочку.

– О, Марина Глебовна, – проговорил мужчина, стоящий рядом с Глебом и боком ко мне, его лицо мне загоразивала Леся своей красивой высокой прической.

Голос показался очень знакомым. Похожим на тот, что я слышала пару дней назад. По открытой спине побежали неприятные мурашки страха, и я поспешила сравняться с

Лесей, чтобы развеять все свои сомнения, увидев мужчину, но тот уже сам ближе подошел к Олесе, точнее к Морковочке, и протянул малышке палец.

– Привет, красавица, давно не виделись, – ласково улыбнулся высокий брюнет, а я почувствовала, как ослабели ноги. Невысокие каблуки в этот момент показались мне ходулями, на которых я просто никак не могла устоять.

– Марк, познакомься с крестной моей дочери, – заговорил муж моей лучшей подруги и не отец Маришки, фактически он был ей родным дядей, – Кариной. Карина, это мой деловой партнер Марк Скольников.

Скольников! Он сказал Скольников. Твою же бабушку!

Я вежливо улыбнулась и для надежности пару раз моргнула. Марк Скольников никуда не пропал.

Мужчина оторвал полный теплоты взгляд от Маришки и лениво перевел его на меня. На узнавание ему потребовалась лишь пара секунд, я хорошо заметила эту перемену, потому что сама наблюдала за ним, затаив дыхание. Высокий гладковыбритый брюнет с широким разворотом плеч, в безумно дорогом костюме, качество ткани которого ощущалось на расстоянии. Хотелось потереться о нее щекой. Стоп! Вот это меня понесло...

– Очень приятно, – хрипло произнес Марк низким голосом, от которого напряглась каждая моя клеточка, словно мне опять подсыпали непонятные таблетки. Мужчина протянул ладонь, и мне ничего не оставалось, как ответить ему

рукопожатием.

Ладонь Скольниковова была широкой, но с изумительно красивыми удлинёнными пальцами, аккуратными и ухоженными ногтевыми пластинами. А ещё его рука была горячей, и, кажется, почувствовав её тепло, я поплыла. С какого-то перепуга моё тело начало отзываться на мужчину, имени которого я даже не знала до этого мгновения. Взрослого мужчину. Очень-очень взрослого.

Сейчас, в белоснежной рубашке и сером пиджаке, он смотрелся старше, чем расслабленно спящий в постели. Хотя тогда он был сильно небрит...

Скольников выпустил мою руку из своей, всё ещё не отпуская взгляда, а я рефлексивно подняла ладонь к шее и щеке. Как же сильно вчера и позавчера саднило кожу.

Когда мужчина спал, не было видно его взгляда. А до утра я и вовсе не была в состоянии соображать и лишь потому решила, что он моложе. Сейчас же, когда я глядела в его темно-карие, но такие холодные глаза, казалось, что Марк на целую вечность старше меня. Старше и сильнее.

– Ну что ж, – Скольников улыбнулся краешком губ, заставляя меня вздрогнуть, и тут же отвернулся, – я тебя ещё раз поздравляю, Глеб, с такой красавицей женой. Твой отец был бы рад за тебя. – Мужчина кивнул и ушел, а я чуть рот не раззявила.

Он говорил про отца Глеба, который умер лет пятнадцать назад? Да сколько этому Скольникову вообще лет?

– Он на десять лет старше меня, – приглушенно сказал Глеб, а я испуганно прижала ладонь к губам.

– Прости, – протянула я, виновато улыбнувшись.

Скольников хоть и не обернулся, но, должно быть, услышал глупость, которую я ляпнула. Что же он делал в доме у Ромки? Старший брат или дядя? Он явно не был гостем этого сумасшествия, так как перерос студенческие вечеринки лет двадцать назад. Глебу было тридцать три, значит Скольникову... Боже, ну не мог же он быть отцом Ромки?

– Карин, – позвал меня Глеб. Видимо, я опять слишком задумалась. – Идите посидите за моим столом. Леся устала от незнакомых лиц. – Он тепло улыбнулся, глянув на свою уже жену, которой сейчас что-то говорить было действительно бесполезно. Она все свое внимание сосредоточила на Морковочке и держала ту на руках уже, кажется, дольше положенного. Я кивнула и попыталась забрать Маришу.

– Пойдем, Олесь, посидим немного. А то я устала. – Лишь тогда подруга с благодарной улыбкой отдала мне дочь и, слегка потерев свою поясницу, пошла за мной.

Олеся была на пятом месяце беременности, и ее небольшой животик было уже заметно, а еще Леся только недавно пережила серьезную травму головы, и тяжести ей были противопоказаны. А десятикилограммовый девятимесячный ребенок – это еще та тяжесть, даже такая чудесно морковная.

Я опять чмокнула малышку в сладкую щечку и прижала ее

к себе. Родной отец Мариши бросил их с Лесей сразу после того, как подруга забеременела, а так как у нее не было ни родственников, ни друзей, кроме меня, и жила она со мной через стенку, я принимала непосредственное участие в уходе за Маришкой с самого ее рождения, ну и за самой Лесей, любя ее и заботясь о ней не меньше, чем о своей младшей сестре, а то и больше. У Кристины же была наша мама, а у Леси не осталось никого.

Ближе к семи часам няня забрала Маришку в дом, Олеся проводила дочь печальным взглядом, а я, стоя в отдалении в тени одного из многочисленных деревьев, внимательно наблюдала и за самой Лесей, и за их гостями. Особенно за одним из них. Марком Скольниковым.

Поджав губы, я приложила к ним краешек бокала, но так и не отпила сок, все еще выискивая Скольникова.

Я не собиралась за ним следить. Совершенно. Хотела скорее забыть как страшный сон. Только вот час назад увидела, как мама, тепло ему улыbnувшись, с ним поздоровалась. Именно поздоровалась! То есть их никто не представлял друг другу – или представлял, но в начале вечера. Тогда зачем же им здороваться опять? И вот сейчас я не могла никого из них найти. Ни мамы, ни Скольникова. И это пугало.

– Значит, Карина, – хрипло раздалось в полушаге от меня, и я, вздрогнув, обернулась. Хорошо, что я стояла, прислонившись к дереву, иначе упала бы.

– Вам же уже меня представили, – колко ответила я и сде-

лала глоток апельсинового сока.

Он был слишком насыщенным на вкус, не таким, к какому я привыкла. Хотелось разбавить его наполовину водой. Потому-то я и цедила содержимое этого бокала уже несколько часов.

– А теперь скажи мне, Карина, что тебе от меня нужно? – шепотом сквозь вежливую улыбку спросил он. Взгляд же мужчины был настолько холодным, что обжигал, вызывая изморозь у меня на коже и под ней.

– С чего вы, Марк, решили, что мне что-то от вас надо?

– С того, что за последние четыре дня встречаю тебя второй раз. – Он слегка поморщился, но затем тут же нацепил на свое лицо улыбку вежливости. Видимо, чтобы гости торжества, случайно глянувшие на нас, ничего не заподозрили бы.

– Кстати, кто вы Роману? – спросила я, набравшись смелости.

Специально отвернулась от мужчины, уставившись на светящиеся гирлянды. Начинало смеркаться, и подсветка теперь смотрелась в тысячу раз эффектнее. Пока я ждала ответа, наконец-то нашла взглядом маму, она что-то выговаривала Кристине, и я улыбнулась, чувствуя, как теплеет в груди.

Так было всегда: Кристину нужно было учить, контролировать и оберегать, я же была для мамы идеальной дочерью, вечно помогающей ей. На меня она могла положиться с тех пор, как мне исполнилось девять. Уже тогда я умела готовить яичницу, жареную картошку и макароны по-флотски, а

еще я спокойно оставалась без мамы дома, присматривая за младшей сестрой.

– То есть ты хочешь сказать, что всего лишь пришла на вечеринку этого оболтуса, а сегодня оказалась здесь совершенно случайно? – в голосе Марка прозвучал скепсис. Но мне было все равно, верит он или нет. Ситуация ровным счетом отвратительная, с какой бы стороны я на нее ни посмотрела.

– Я хочу сказать, что я всего лишь пришла на вечеринку по случаю начала учебного года к своему однокласснику. Вместе с остальными своими одноклассниками, – вторую часть вопроса я проигнорировала, потому что она помахивала абсурдностью. Это свадьба моей лучшей подруги! Конечно же, я здесь не случайно! Скольников промолчал, а я продолжила, все еще глядя на маму, которая определенно уже отчитывала за что-то Кристину. – И этот самый одноклассник – ваш однофамилец, кстати, – что-то мне подмешал, – последнее я произнесла со злостью, хоть и не хотела ничего выяснять. Сделанного не вернешь, и не стоит зря расстраиваться из-за того, что ты уже не в состоянии изменить. Но как же мне было гадко, кто бы знал.

– Ты хочешь сказать... – на мгновение его голос дрогнул, а мне малодушно захотелось обернуться и посмотреть ему в глаза. Каково это? Ему тоже неприятно? Или ему все равно? Но я, конечно же, сдержалась, продолжив разглядывать маму и Кристину. Цепляясь за них, словно за свой спасательный круг, лишь бы не скатиться в отчаяние и не начать зани-

маться самобичеванием. А что уж чувствует этот напыщенный индюк, меня никак не должно касаться.

– Да, именно это я и хотела сказать, – я хмыкнула и крепче сжала пальцы на ножке бокала, – что меня опоили со вполне ясной целью. Домой в таком состоянии уехать я не смогла, а потому спряталась. Увы, вы нарушили мое уединение.

– То есть ты хочешь сказать...

– Да что вы заладили одно и то же, словно вас заело... – Я все же обернулась и зло уставилась на него.

Удивительно, но Скольников был растерян. Неужели к нему так часто прыгают в кровать голые девки, что он даже на секунду не подумал о том, что со мной что-то не в порядке? Я урывками помнила ту ночь, только вот прекрасно запомнила, как...

– Или вы возомнили, что я настолько без ума от вас, что решила покорить вас своей девственностью и неопытностью, но при этом вела себя как течная сука? – Я вздернула бровь и растянула губы в обворожительной улыбке, скрывая за ней всю свою боль и разочарование.

Разочарование, которого никто и никогда не увидит. Ни Скольников-младший, ни Скольников-старший, ни мама, ни сестра, ни тем более Олеся, чью свадьбу я ни за что в жизни не испорчу.

Марк отвел взгляд. Его челюсти крепко сжались, так же как и кулаки.

«Ба, да мы, оказывается, не настолько хорошо умеем дер-

жать себя в руках!» – мысленно возликовала я.

И есть что-то, что может вывести из себя этого холодного типа. Что ж, буду мучиться не я одна. Прекрасно. Не будь мне настолько дерьмово в душе, я бы порадовалась.

Чувствуя, что к глазам подступают слезы, я быстро развернулась и шагнула в сторону, но Марк стремительно вскинул руку и поймал меня за запястье. Какой же горячей была его ладонь. А еще сильной. Крепкая хватка на моей руке не доставляла дискомфорта, напротив, она вызывала у моего тела невольные воспоминания. Отбрасывая на пару дней назад, заставляя плавиться от восторга. Мне ведь было очень хорошо, только это я, пожалуй, и запомнила, насколько сладко мне было. Ровно настолько же, насколько и мерзко утром. Когда я проснулась с тяжелой головой, с засухой во рту, резью между ног, с синими отметинами от чужих пальцев на бедрах и дырой в груди.

Потому что несмотря на свой возраст я все еще ждала того самого мужчину. Глупо? Еще как! Но, наблюдая за тем, как мама всю жизнь тащила нас сестрой на себе, совершенно не уделяя внимания своей личной жизни, наблюдая за тем, как до одури влюбленная Олеся, стоило ей забеременеть, осталась одна, да еще и с разбитым сердцем, я пообещала себе, что, пока самостоятельно не встану на ноги, буду избегать всяческих отношений, особенно с неподходящими мужчинами. Ведь какой лучший способ не забеременеть? Правильно, не влюбляться и не спать с мужчинами вообще. Да, в на-

ше время контрацептивов более чем достаточно. Но все же страх влюбиться в идиота и остаться одной с ребенком на руках был непреодолим.

– Я обязательно разберусь, правду ты сказала или нет, – пригрозил Марк, словно я одна была виновата во всей этой ситуации.

– Удачи, – прошептала я и выдернула руку из его захвата.

Уставившись взглядом на боковой вход в дом, я направилась к нему, лишь бы скорее скрыться от многочисленных взглядов. Лишь бы никто не увидел, как я плачу. Я быстро шагала по мягкому газону и часто моргала, прогоняя непрошенные слезы. Повторяя про себя как мантру, что сделанного не вернешь, что после драки кулаками не машут и нужно, не отчаиваясь, жить дальше. Я сделала все, что могла, выпила таблетку экстренной контрацепции, а сейчас так и вовсе поставила на место этого напыщенного индюка. Глядишь, и Рома теперь от него получит. Все будет хорошо. Главное – поскорее забыть о той ночи и жить дальше, словно ничего и не было.

Глава 2

В понедельник Скольников в институте не было. Парень не появился ни к первой, ни ко второй, ни к третьей паре. Я так и не видела его с того самого вечера. Как только добралась до дома наутро после случившегося, я отправилась в поликлинику к участковому врачу и взяла справку по болезни до конца недели. Тамара Георгиевна была старой маминной приятельницей, а потому без проблем выдала мне справку. Конечно же, я не рассказала ей правду, просто намекнула о скорой свадьбе лучшей подруги, которой я обязана была помочь с подготовкой.

А потому именно сегодня на пары я шла, стиснув зубы. И не потому, что я опасалась насмешек Романа, а из-за того, что видеть его не могла. Только мысли об этом недоумке вызывали у меня рвотные позывы. Но все же нужно было кое-что прояснить.

– Даш. – Я поймала нашу старосту на выходе из аудитории после третьей пары.

– Да, Кариш, – приветливо улыбнулась она мне, а я, передернув плечами, порадовалась, что наша группа на первом курсе более ответственно подошла к выбору старосты.

В памяти все еще были свежи картинки того, как Мари-на из параллельной группы зашла в комнату сразу с двумя парнями. Бр-р.

– У меня к тебе дело на миллион. – Я подхватила ее под руку и подстроилась под ее шаг. Ростом она была немного пониже меня, а потому и шаги у нее были чуть короче.

– Выкладывай уже свой миллион, – рассмеялась Даша.

– Мне очень нужно узнать отчество Скольниковова.

Даша удивленно округлила глаза и посмотрела на меня с какой-то новой, неизвестной мне эмоцией.

– Точнее, просто узнать, Маркович он или нет. Этого достаточно. Хотя... – Так я только откину вариант их прямого родства. Но еще не мешало бы узнать и отчество самого Марка. И тогда можно было бы понять, братья они или, например, племянник с дядей...

Еще до того, как я самостоятельно сумела прекратить этот глупый поток ненужных мыслей, меня перебила Даша:

– Да, он Маркович, Карин. Но тебе зачем это?

Хороший вопрос. Пять баллов, Даш! Я улыбнулась и глупо захихикала, изображая из себя полнейшую дуру. Хотя почему изображая? Ведь именно дурой я сейчас и была.

– Просто так. Пересеклась на свадьбе подруги с Марком Скольниковым, вот и стало интересно, родственники они с Ромой или нет, – я ответила чистейшую правду, а потому улыбка на моем лице стала еще шире. Даша поверила и начала выпрашивать меня подробности свадьбы. Требовала показать фотографии с торжества богачей, а я все время боялась, что никчемная, ненастоящая улыбка приросла к моему лицу навсегда и я больше никогда не стану искренней и на-

стоящей Кариной, то есть самой собой.

После пар я прошлась по всем преподавателям, чьи занятия прогуляла на той неделе, и, показав им справку, чтобы они обвели мои "н", отнесла ее в деканат.

Выйдя на крыльцо института, я недовольно поморщилась и все же накинула куртку, не застегивая ее. Олеся очень повезло с погодой на ее свадьбе, потому что на следующий день начался затяжной дождь, и сейчас мне ничего не оставалось, как прыгать между лужами, лишь бы не вляпаться ни в одну из них. Я вышла с территории института, обойдя шлагбаум, и двинулась вдоль припаркованных машин.

Давно прошло время, когда студенты считались бедными. Стоило только посмотреть на целый автопарк у ворот нашего института, да еще и не самого престижного, так сразу решишь, что у нас учатся лишь дети олигархов. Я поравнялась с огромным черным внедорожником, поверхность которого блестела и переливалась даже в тени в такую пасмурную погоду, и чуть не взвизгнула, когда передняя дверь распахнулась в шаге от моего носа.

– Садись, Карина, – послышался тихий и такой знакомый голос, а я хоть и сумела сдержать испуганный вопль, но с рукой, метнувшейся к груди, ничего сделать не смогла.

Марк проследил за ней взглядом и уперся им в вырез на моей белой рубашке с запахом. Куртку же я так и не застегнула. Мужчина прищурился, я же вздернула брови и заговорила, напустив в голос как можно больше уверенности:

– Может быть, вы сами выйдете?

– Чтобы потом не обошлось без сплетен? – усмехнулся он краешком губ. И, как только я решила уступить ему, он резко произнес: – Садись давай.

Он не крикнул, напротив, понизил голос, но настолько повелительно это прозвучало, что я вздрогнула от испуга. Опять!

Я все же сделала шаг вперед, ласково улыбнулась, взялась за ручку любезно приоткрытой мне двери и от всей души толкнула ее, с шумом закрывая машину. А затем, глядя на Скольникову через окно машины, проговорила одними губами: «Пошел к черту». После чего все же запахнула куртку, с силой завязала ремень, затянув его так, что он начал мешать мне дышать, и, оглянувшись на дорогу, перебежала ее в неполюженном месте. На той стороне можно дойти через дворы до остановки. Скольников не догонит. Он пока машину развернет, а там я уже доберусь до дворов, въезд в которые закрыт.

Только мужчина и не подумал ехать за мной. Когда я перебежала дорогу и обернулась, черный внедорожник все еще стоял на своем месте. Прекрасно! С трудом удержалась, чтобы не показать ему фак, отвернулась и зашагала во дворы. Выброс адреналина уже прошел, и теперь меня начало потряхивать.

Казалось, что я поступила глупо. Слишком по-детски, что ли... Возможно, Марк хотел прояснить что-то важное? Но

что еще можно между нами выяснять? И без слов все понятно.

Забыть. Забыть как страшный сон.

Не был бы Марк еще таким красивым. Его руки такими теплыми. А тембр голоса настолько завораживающим, что хотелось слушаться его беспрекословно. Я потому и взбеленилась – желала убедиться, что все еще могу противиться.

Оказавшись дома и принявшись за готовку обеда тире ужина, я немного остыла и поняла, что сильно сглупила. Если со Скольниковым так уважительно общался Олесин муж, значит, тот был серьезным человеком. Не то чтобы я не поняла этого по богатому дому и далеко не дешевой машине, но все же уважение Глеба говорило о многом.

У таких людей время – деньги. Причем немалые. Скольников же нашел свободное время и приехал ко мне для чего-то. Вряд ли он подрабатывал водителем у собственного непутевого сыночка, а значит, Марк хотел поговорить именно со мной. Возможно, он даже хотел извиниться? Ну мало ли? Почувствовал свою вину... как минимум за то, что породил и вырастил такого засранца, а я все испортила. Повела себя глупо и, кажется, по-детски.

И, что было самым парадоксальным, я прокручивала наш короткий разговор в голове и понимала, что второй раз я поступила бы так же. Уже осознавая всю неправильность своего поведения.

– Бред какой-то, – простонала я себе под нос.

– Чего ты там бубнишь, Кариш? – закричала Кристинка из соседней комнаты, я же, фыркнув, продолжила тереть сыр.

Сегодня я не придумала ничего более быстрого, как отварить макароны и закинуть в них сыр. Вечером мне еще нужно было на смену в бар, а перед этим помочь сестре с подготовкой к ЕГЭ. Не знаю, как она доучилась до одиннадцатого класса и не завалила тестирование в девятом, но с русским у нее была беда, да еще какая.

Только вот если готовить я еще могла, летая мыслями где-то далеко, то помочь сестре была не в состоянии. Все наше занятие вылилось в настоящий сюр. Я то и дело зависала на полуслове, мысленно прокручивая в голове нашу сегодняшнюю встречу с Марком.

Смена на работе прошла на ура, там мне почти ничего не мешало думать о Скольникове, и даже заказы я ни разу не спутала. Думала я, конечно же, не о самом мужчине, а о том, чего именно он от меня хотел. Ну или это я себя так успокаивала. Поздно ночью, приехав домой на такси, я провалилась в сон, стоило только почувствовать мягкость и свежесть подушки.

А на следующий день в институте все же появился Роман, пришел за пять минут до окончания последней по расписанию пары. Нас как раз уже отпустил преподаватель по домам, и мы змейкой спустились по лесенке лекционной аудитории.

– Ливанова! – окликнул меня этот придурок, как только пришла моя очередь выходить из аудитории.

Скольников ухватил меня за рукав и ловким движением оттащил в сторону.

– Что тебе надо? – прорычала я не хуже какой-нибудь озверевшей тигрицы.

Ошалелый Роман разжал пальцы на моем рукаве и произнес просто убийственную вещь.

– Я вообще-то хотел извиниться.

– Да что ты? – ахнула я, взмахнув руками, и, прищурившись, отошла на шаг от парня, презрительно его оглядывая.

Ромка был красивым. Еще он был типичным плохим мальчиком. Этаким трудным парнем. Именно по таким всегда писались кипятком прилежные и не очень девочки.

Почему же я не запала на него? Раньше я этого не понимала, да и не задумывалась, а сейчас, увидев его отца, почувствовала разницу между пацаном, которому еще расти и расти, несмотря на высокий рост, широкий разворот плеч и тестостерон, который из него так и пер, и мужчиной. Взрослым, состоятельным и самодостаточным мужчиной.

Оба они были красивыми, а еще у них были похожи глаза. Темные, серьезные, с немного хищным прищуром, только вот у Ромы не было того напора и бескомпромиссности во взгляде, Рому не хотелось слушаться. Рому просто не хотелось. Тогда как подернутый страстью взгляд его отца все еще стоял у меня перед глазами. Особенно после сегодняшней ночи. Скольников мне приснился. Он что-то приказывал мне своим бархатистым и повелительным голосом, а я пла-

вилась под напором его сильных и таких горячих рук.

После этого сна мне казалось, что я вспомнила многое из происходящего тем самым вечером. Но разумная часть меня подсказывала, что все это лишь игра моего воображения. Не могла я вспомнить никаких подробностей.

А то, что сейчас происходило со мной, было вполне закономерно. Девушки относятся к интимной близости совершенно не так, как мужчины. Они привязываются к партнеру и начинают что-то чувствовать, даже если до этого между ними не было душевного единения. Словно защитный барьер. Я читала про это статьи психологов. В первый же день, когда не смогла выкинуть незнакомого мужчину из головы. Мое подсознание пыталось обмануть меня, свою же хозяйку, загоняя в ловушку ложных чувств.

И эта странная тяга непременно пройдет. Вот бы только узнать, что же такого мне хотел вчера сказать Марк.

– Я не знаю, каким образом ты вышла на моего отца и пожаловалась ему, – хмуро проговорил Роман, а я тут же подобралась, словно гончая, и начала слушать Скольников-младшего более внимательно, – но это было глупо с твоей стороны.

– Ты издеваешься?

– Ты просто не знаешь, что он за человек, Карин. Я понимаю, что поступил дерьмово. – Роман на мгновение отвел взгляд и тут же вернул его ко мне, глядя прямо и уверенно. – Я хотел тебя проучить.

– Интересная у тебя логика, Скольников, – вспыхнула я, вспомнив, чем закончился тот вечер. Интересно, он соби-рался меня «проучить» в тех же позах, что и его папочка? Я скрестила руки на груди и зло выдала: – Все сказал?

– Держись от него подальше. Это еще хорошо, что он тебе поверил. И не наказал. – Рома поморщился, а я поняла, что у меня на биологическом уровне непереносимость обоих Скольников. Что старшего, что младшего. Вступая в диалоги с ними, хоть и короткие, я адски выходила из себя и становилась неуправляемым огнедышащим драконом. Ар-р-р...

– Пошел к черту. И отец твой пусть туда же идет, – тихо проговорила я и, спешно развернувшись, побежала по коридору в сторону выхода.

Когда я оказалась на улице, телефон, который я сжимала в ладони, завибрировал, и я испуганно охнула, тут же ругнувшись на саму себя.

– Успокоительного, что ли, попить? Совсем нервы расшатались, – пробурчала я, открывая сообщение с неизвестного номера.

«Надеюсь, он извинился. Но надежд на этого оболтуса мало, поэтому я приношу тебе извинения за случившееся не только от себя, но и от своего сына. Лично было бы правильнее, но я понимаю твое нежелание видаться».

Я заблокировала телефон, гася экран, и, медленно выдохнув, прикрыла глаза, поднимая голову к небу. У меня и правда расшатались нервы. Даже сейчас вместо того, чтобы при-

нять извинения и почувствовать легкость, я лишь еще сильнее разозлилась.

Глава 3

Вся неделя прошла как в тумане: учеба, дом, работа, дом и опять учеба. Я начала считать дни до своего увольнения. Сложно мне не было, но я понимала, что рано или поздно мой запал кончится. И так плановая летняя подработка неведомым образом затянулась и превратилась в весенне-летне-осеннюю. Маму еще летом повысили, поставили на очень перспективную и высокооплачиваемую должность, и пусть она почти все время теперь пропадала в заграничных командировках, но на учебу для сестры, так же как и на мою, у нас теперь были деньги. Моих личных накоплений хватало на два семестра вперед. Очень с этим мне помог Глеб, когда заплатил неприлично большую сумму за услуги няни.

Конечно же, лучше бы той ситуации не было вообще, но летом Олесе стало плохо и, потеряв сознание, она получила травму головы. Они с Глебом тогда только начинали сблизиться и не жили вместе. Няни у Олесиной малышки не было, а единственной, кого знала и принимала моя Морковочка, пока ее мама лежала в больнице, была я. Две недели я жила в соседской квартире Олеси, заботясь о Марише, пока не мог Глеб. Еще я помогла найти ему няню, но никак не ожидала, что на мою карту поступит такая огромная сумма, ведь я сделала бы все то же самое и безвозмездно, потому что ближе Морковочки и Олеси у меня были только мама и

сестра.

После того как отпала необходимость в подработке, я вернулась с отгулов, но уволиться так и не смогла, слишком хорошими у меня были отношения с директором кафе, ей была мама одной из моих одногруппниц, и я сильно была ей обязана удобным графиком и повышенным окладом. Лишь из-за этого я согласилась доработать до октября, а сейчас считала дни до заветной свободы.

– Кариш, – на кухню, шаркая по полу своими пушистыми тапочками-собачками, зашла Кристина, – смотри, ты его знаешь?

Сестра подставила мне под нос свой телефон с изображением Скольникова-младшего.

– Лучше бы не знала, – поморщившись, произнесла я и отодвинула ладонью ее телефон.

Глаза бы мои этого засранца не видели, но он, как назло, со среды по пятницу не пропустил ни одну пару. Больше не подходил ко мне и даже не заговаривал со мной, но смотрел слишком... кровожадно, что ли? Кристина положила телефон на стол, так и не свернув страницу инстаграма, словно специально издеваясь надо мной, и пошла к холодильнику.

– На плите сырники, малая, – не оборачиваясь, произнесла я и сделала медленный глоток уже второй чашки кофе. Первую я выпила как раз таки с сырниками.

– Вот и не лень тебе так заморачиваться, – усмехнулась сестра, но все же зашумела посудой.

Мамы опять не было, она только на прошлой неделе вернулась из командировки и во вторник опять уехала. А я же любила поесть вкусно. Да, это я любила больше, чем просто готовить. Тем более сегодня у меня был выходной. И хорошее настроение, потому что я была уверена, что не увижу рожу Скольникова. А еще мне сегодня впервые не приснился его отец, и я решила, что это хороший знак. Просто прекрасный! Как я и предполагала, меня начало отпускать.

– Ты мне так и не ответила, – присев за стол, сказала Крися.

– Это мой одноклассник – Скольников Роман, засранец редкостный. Как ты на него вышла?

– Подписался на меня, – улыбнулась сестра и полила сырники клубничным вареньем. Мама сварила его летом, еще до своего повышения. И скоро наши запасы опустеют и придется покупать магазинное. – Красавчик такой, вот я и сходила к нему на страницу, а он, оказывается, уже подписан на тебя, заюш.

Я опять поморщилась и залпом допила кофе. Я ненавидела вот это ее «заюш». Впрочем, так же как и она мое «малая», но что поделаешь с тем, что несмотря на довольно маленькую разницу в возрасте я ощущала себя старше ее лет на десять. С самого детства. Наверное, это какое-то отклонение или синдром гиперопеки, а может быть, отличницы. Нужно обязательно почитать материал по этой теме. Я помыла кружку, потом подняла крышку со сковороды и совер-

шенно не удивилась: Кристинка положила себе все сырники, но даже не подумала помыть сковороду. Ну точно малая.

Выключив воду, я окинула взглядом кухню. В целом было чисто, хотелось бы поидеальнее, но генеральная уборка сегодня в мои планы не входила. Сегодня я хотела увидеться с Олесей и, конечно же, Морковочкой, но и предположить не могла, что опять все пойдет наперекосяк.

Не успела я выйти из дома, как по видеосвязи позвонила мама и начала, глядя в камеру, моими руками искать какие-то важные документы, которые она почему-то оставила в своем столе. Я не понимала, как можно было оставить "важные" документы дома и вспомнить о них только через неделю, но мама не торопилась что-либо объяснять, лишь попросила сфотографировать их и переслать ей.

– Да тут сто с лишним страниц, – возмутилась я, мама же отвлеклась, услышав хлопок двери, и, глядя в сторону, заговорила явно не со мной: – Дочь сейчас все сфотографирует и отправит мне.

– Такой формат не подойдет, Анастасия Игоревна, – произнес мужчина голосом Скольниковца. Я выпустила телефон из ладоней, словно обжегшись, и он плашмя упал на столешницу. – Пусть ваша дочь отвезет их Нине, она сама все отсканирует.

Дверь с той стороны экрана опять хлопнула, а я попыталась восстановить свое дыхание. Показалось. Мне просто показалось. Я слишком часто думала о Марке и о той ночи. Вот

мужчина и мерещился мне везде, где только можно. Даже в Романе я уже начала видеть его отца, потому и стала не переносить парня еще сильнее.

– Кариш, ты где?

– Здесь я. – Я подняла телефон и, тяжело выдохнув, произнесла: – Говори уже адрес.

В начале года их офис переехал, и новым адресом я не интересовалась. Как-то не довелось. Мама продиктовала мне название одного из бизнес-центров Москвы, который у многих определенно был на слуху, а затем внутренний номер секретаря, которому я должна была отвезти документы.

До нужного адреса я добралась довольно-таки быстро. Пришлось проехать всего четыре станции метро, правда с двумя пересадками. Наконец, найдя нужное мне здание, я замерла на месте и перевела дух. Никогда не любила современные высотки, особенно напичканные, словно муравейники, различными офисами и предприятиями. Мне еще, видимо, повезло, два соседних здания были в два раза выше. На первом этаже я подошла к охраннику и, как и сказала мама, попросила его связаться с некой Ниной с таким-то внутренним номером.

– Хорошо, – кивнул охранник, все еще держа трубку у лица, словно та неведомая Нина могла его еще и видеть. – Девятнадцатый этаж, девушка. Лифт вон там. – Мужчина махнул рукой в сторону лифтов, словно я была слепой и не в состоянии сама их увидеть.

Первый же сюрприз ждал меня в лифте. В здании было всего девятнадцать этажей, и мне пришлось нажать на последнюю кнопку. Красивую большую кнопку с выгравированным названием слева от нее. Латиницей там значилось СМ-групп, так же как и на всех остальных этажах, начиная с пятнадцатого.

Я потеряла переносицу, совершенно ничего не понимая. Мама раньше работала в совершенно другой организации – маркетологом, потом ее повысили до директора по связям с общественностью. Но почему же она не сказала, что перешла работать на совершенно другое предприятие, еще и сразу на руководящую должность? Бред какой-то.

Когда лифт наконец-то издал противный звуковой сигнал, больше похожий на писк, меня встретила доброжелательная женщина в возрасте около пятидесяти, с аккуратно уложенным пучком волос и в светло-сером брючном костюме.

– Здравствуйте, – улыбнулась она вежливо, но мне на мгновение показалось, что женщина испытывала легкий дискомфорт: наверное, мама забыла меня представить, вот женщина и поприветствовала меня, но как-то косо. – Я Нина Михайловна.

Я просто кивнула и протянула ей папку, тут же развернулась и нажала на кнопку лифта. Несмотря на закрытые створки, сам лифт еще не успел уехать, а потому я быстро в него заскочила, как только двери разъехались вновь, и, попрощавшись кивком с Ниной Михайловной, тут же достала

телефон и, пока не забыла, вбила название организации в поисковик.

Первыми тремя ссылками шли сайты крупного застройщика, даже их инстаграм, потом корпусная мебель, органы и топки, бухгалтерские услуги для бизнеса, снос и демонтаж... Да-а-а, много организаций было с таким названием. Затем я стукнула себя по лбу и, пролистав ленту вверх, начала выискивать взглядом знакомый адрес. Долго искать не пришлось: самая первая ссылка на застройщиков и была тем, что я искала.

Меня ненадолго кинуло в пот. Моя мама была далека от таких крупных компаний. Да это же целая корпорация. Как ее взяли на такую должность и почему она нам с Кристиной ничего не сказала – вот что удивляло меня больше всего. Возможно, я была слишком недоверчивой по жизни, но упорно продолжала считать себя всего лишь реалистом. Так вот сейчас мне все виделось в каком-то странном свете, с таким налетом таинственности.

Уже на обратном пути, сидя в вагоне метро и подключившись к вайфаю, я опять зашла в браузер и открыла официальную ссылку на портал этого СМ-застройщика, еще раз нашла там юридический адрес, еще больше убеждаясь, что все верно, а затем увидела вкладку «Наша команда». Мамина фотография там действительно была, аж одиннадцатая, но пока я долистала до нее, прошла целая вечность и я не только проехала нужную мне остановку, я просто залипла

на экране телефона, понимая одну-единственную вещь. Это рок какой-то. Он меня преследует! Везде! В жизни, во сне, на учебе, даже в разговорах с мамой. Черт же! Я не перепутала и действительно слышала именно голос Скольникова сегодня утром.

Марк Скольников, он же генеральный директор, он же председатель совета директоров. Ты смотри какой. Все сам, все сам. И не жирно ему будет?

Да и вообще, если он действительно настолько серьезный дядя, то почему его сын учится не в МГИМО, МГУ или Вышке? Почему в нашей гуманитарке? Стоп. Он же перевелся, и даже сплетней никаких не было, откуда именно. Почему это не показалось странным с самого начала?

– А-а-а... – тихо простонала я и растерла виски.

Да какая мне разница, господи. Забыть. Пережить. Не думать и не вспоминать. Все.

Я решительно смахнула вкладку с сайтом организации и, свернув браузер, заблокила телефон. Вышла на ближайшей остановке и поехала в обратную сторону. Чертова рассеянность и шоковое состояние. Ни о каком визите к Олесе больше и речи не шло. Тут бы мысли в кучу собрать.

Вечером мама прислала мне сообщение с благодарностью, а Кристина даже помогла с ужином, почистив картошку. Я же, немного расслабившись, решила, что зря подозреваю и вижу во всем какую-то теорию заговора.

Следующие пять дней до середины недели прошли спо-

койно: мама больше не теряла никакие документы, Кристина справлялась с подготовительными тестами к ЕГЭ самостоятельно, и мне оставалось их лишь проверять, в баре ко мне никто не приставал, и я благополучно доработала свои самые последние смены, забрав трудовую. А Рома Скольников не подходил ко мне ближе чем на три метра, и это не могло не радовать, но было кое-что еще. В ночь с понедельника на вторник мне опять приснился Марк, а потом на следующую ночь, и еще на одну, и еще...

– Я поняла, это все дело в Ромке, – забубнила я, полусонная, себе под нос утром в пятницу.

В дверь очень настырно звонили, да еще и в такую рань. Я быстро подхватила домашние штаны и, запрыгивая в них по пути, поспешила к двери. Кто-то очень нетерпеливый даже не подумал отпустить кнопку звонка. Все звонил и звонил.

– Да иду я! Иду! – рявкнула я и, открыв внутреннюю дверь, заглянула в глазок. Мама. Да твою же бабушку.

– Мама, а ты голову не забыла? – зло выговорила я, распахнув дверь, и только потом глянула на часы. Пришлось на них нажать, потому что они все еще были в режиме сна и экран не светился только по поднятию руки. – Четыре утра, – застонала я.

– Ну, прости меня, милая, я действительно не знаю, куда подевались мои ключи. Но их я точно брала с собой. Я же дверь как-то закрывала, – ласково улыбнувшись, произнесла мама и, разувшись, крепко меня обняла.

От нее очень приятно пахло новыми цветочными духами, да и выглядела она сейчас очень счастливой, хоть и утомленной.

– Значит, нужно поменять замки. Вдруг ты их потеряла?

– Ой, Кариш, если и потеряла, то в гостинице. Неужели хоть один немец поедет в Россию специально для того, чтобы нас ограбить?

Ну-ну! Я скрестила руки на груди и поморщилась. Мама глупела на глазах, и это меня расстраивало. Я проследила взглядом за тем, как она на пару минут замерла у зеркала, любуясь собственным отражением, а потом сняла заколку с волос, распуская длинные пепельные локоны.

Да, мама в отличие от нас с Кристиной, была голубоглазой блондинкой со светлой кожей – типичная славянская красавица. Мы же с сестрой взяли слишком многое от отца и почти ничего от матери. Иссиня-черные волосы, смуглая кожа и слегка миндалевидный разрез глаз. Без макияжа-стрелок эта деталь внешности была почти незаметной, но придавала этакий налет загадочного кошачьего взгляда.

Я тяжело вздохнула, еще раз подняла руку, чтобы глянуть на время, но часы так и не загорелись. Я ругнулась про себя, выключила режим сна и пошла на кухню за дозой кофе. Ложиться спать было теперь бессмысленно, все равно скоро вставать. А потом опять на пары, и опять Рома, и опять эти плавающие мое тело сны.

Только вот о Марке я вспомнила намного раньше, чем

ближайшей ночью. На этот раз ситуация после пар повторилась. Я вышла за территорию института и, двинувшись вверх по парковке, узнала знакомый внедорожник. Дверь опять распахнулась перед самым моим носом, и в этот раз я не стала выпендриваться, а просто молча забралась в высокую машину, благо на мне были черные джинсы и мне не пришлось светить нижним бельем, карабкаясь вверх на переднее сиденье.

Глава 4

– Здравствуйте, – первой заговорила я, Скольников на это лишь кивнул мне и, переключив положение рычага на коробке передач, начал выкручивать руль, а я почему-то застыла взглядом на его распластанной по рулю широкой ладони.

Так легко и красиво у него это получалось, что я... Господи, да я начала пялиться на его руки. Ухоженные, сильные, горячие и мучающие меня во снах руки.

Что же такое со мной происходило? Я невольно поежилась и, сцепив ладони, положила их на колени. Лучше бы не садилась в эту чертову машину и не дышала бы с Марком одним воздухом. В машине витал фруктовый аромат, совсем-совсем легкий, автомобильные вонючки обычно не пахли настолько тонко и изысканно.

– Ты уже обедала? – спросил Марк, как только выехал с парковки и влился в поток машин.

Я закашлялась, подавившись собственной слюной. И не потому, что действительно была голодной, как неведомый дикий зверь, не евший месяц, а от неожиданности, что Скольников спросил о таком.

– Нет, – я не стала врать, ведь мой завтрак был аж в четыре утра и состоял из вчерашней булочки и двух чашек кофе.

– Я тоже, – коротко отозвался он и, включив радио, больше не отвлекался от дороги. Он и до этого-то глянул на меня

всего единожды, когда приветственно кивнул, а теперь вообще не обращал никакого внимания.

Через десять минут мое терпение лопнуло:

– Зачем вы приехали, да еще и во второй раз?

– Я предпочитаю прояснять серьезные вопросы на сытый желудок, Карина, – размеренно ответил он, но я успела заметить проскользнувшую улыбку на его лице.

Кажется, он издевается надо мной!

Еще спустя десять минут мы въехали на парковку одного из ресторанов, названия которого я не знала, но, судя по расположению, он должен был быть дорогим. Марк вышел из машины, и я сразу же распахнула свою дверь, прикусила губу, прикидывая, как бы покрасивее вылезти из машины, и увидела протянутую мне руку.

– Даже не дала за собой поухаживать, – улыбнулся Скольников. Впервые он улыбнулся так легко и приветливо. Словно... пытался мне понравиться? Да ну, глупости.

Я вложила руку в его теплую и крепкую ладонь и спрыгнула на асфальт. Марк все это время внимательно за мной наблюдал и руки моей так и не отпустил. Все еще крепко ее сжимая, он развернулся и повел меня к зданию. Когда мы зашли, Марк отпустил меня и встал позади, положив руки на мои плечи.

Мне никто ни разу не помогал раздеваться, а потому я не сразу сообразила, что Скольников хотел помочь снять мне куртку. Я быстро развязала пояс и опустила руки, Марк же

начал плавно спускать с меня куртку, задевая пальцами мои плечи.

Если бы на мне не было водолазки с длинными рукавами, я бы сошла с ума. Слишком близко ко мне стоял мужчина и слишком нежно трогал. Слава богу, что только через ткань. И, кажется, я все-таки уже лишилась рассудка, раз такую обыденную вещь, которая была в норме для любого мужчины, я восприняла столь интимно.

– Спасибо, – шепнула я, не сдержавшись, Марк же кивнул мне и, сдав мою куртку (сам он был без верхней одежды, лишь в черном пиджаке) в гардероб, легонько подтолкнул меня в спину, направляя в сторону лестницы.

Мы устроились на втором этаже, за небольшим столиком с мягкими стульями. Здесь были места с диванчиками, и как же хорошо, что Скольников не пошел в их сторону. Боюсь, что, если бы мы сидели рядом, я ни черта бы не запомнила из нашего разговора.

Мои гормоны бушевали. И головой я все прекрасно понимала. Нельзя не запасть на такого мужчину, особенно после близости. Лишь одна аура спокойствия, растекающаяся вокруг него, обезоруживала, а была еще и хищная грация, с которой он делал все: говорил, улыбался, да даже крутил руль!

Я сжала губы и открыла меню, а следом его тут же захлопнула.

– Выберите, пожалуйста, мне что-нибудь на свой вкус, Марк... – я сделала паузу после его имени, намекая на то, что

хотела бы узнать его отчество, но Скольников молча поднял взгляд, оторвавшись от меню, и опять улыбнулся. Неторопливо, будто бы лениво, а я нервно сцепила ладони под столом.

Ну нельзя же быть такой бесхребетной дурой! Нет, конечно же нет!

Все еще глядя на меня, Марк закрыл меню и подозвал отточенным жестом официанта. И только когда мужчина в костюме и с бабочкой подошел к нашему столу, Скольников прервал наш с ним зрительный контакт. Я сразу же набрала в грудь побольше воздуха, совершенно не слыша, что заказывал мужчина, потому что мне показалось, что, пока мы смотрели друг другу в глаза, я не дышала. Не могла. А он... он просто поедал меня взглядом. Да, лениво и неторопливо, словно уже сытый хищник, но все же поедал.

– Итак, – произнес Марк после того, как расправился с первым блюдом. Мне же все это время кусок в горло не лез. Слишком я переволновалась, а потому возила вилкой по тарелке, передвигая румяные разноцветные кусочки овощей и нежно-розовое мясо. – Ты не ответила на мое сообщение.

Не вопрос – утверждение. Я и правда не ответила, тут мне крыть было нечем, но не ради этого же он позвал меня на обед?

– Я решила, что в этом нет никакого смысла.

– Карина, – Марк отодвинул тарелку и прислонился запястьями к столешнице, – из-за моего непутевого сына ты ока-

залась в весьма неприятной ситуации. Я, конечно же, устроил ему головомойку, но сомневаюсь, что поможет. Это не первый его промах. Но первый раз, когда хоть и косвенно, но его оплошность задела и меня.

Оплошность? Косвенно задела его? А я думала – прямо, и даже очень-очень тесно. Кожа к коже, например...

Я судорожно сглотнула и потянулась за стаканом с соком. Мне нужно было срочно заткнуть чем-то рот, пока я в запале не высказала все, что думала о нем и его непутевом сыночке.

Один глоток. Второй, третий...

«Вишневым!», – запоздало поняла я, почти опустошив стакан. Мой любимый. Почему Скольников заказал именно его, я не имела ни малейшего понятия. Случайность. Только и всего. Но вспышка гнева странным образом, погасла, и я приготовилась слушать мужчину дальше.

– Поэтому я все же хотел убедиться в том, что ситуация улажена, – Марк замолчал, вздернув брови, видимо указывая мне на то, что уже можно говорить – или даже нужно, нужно что-то ответить ему.

Только что? Очистить его совесть? Да ну-у-у... Сомневаюсь, что это его как-то трогает. Но если дело не в этом, тогда в чем?

Я поставила опустевший бокал на стол и, натянуто улыбнувшись, пожала плечами, даже руки в стороны развести попыталась, но, сидя за столом, это было крайне неудобно сделать.

– Без претензий и обид. Все хорошо, Марк... Не знаю вашего отчества. Надо было его у Глеба спросить, – прищипнула я, понимая, что, кажется, опять выхожу за берега, – но я не подумала о том, что мы снова с вами встретимся и оно мне понадобится.

На самом деле я врала. Я видела его отчество на сайте компании, и его трудно было не запомнить. Всеволодович. Скольников Марк Всеволодович.

– Ты совсем не поела. – Он улыбнулся краешками губ и опустил взгляд в мою тарелку.

– Честно говоря, аппетита нет в такой обстановке. Кажется, что если съем хоть кусочек, то меня замучает изжога или несварение. Простите, – тут же выпалила я, заметив, как Скольников улыбнулся уже более искренне и не таясь. Не знаю почему, но такая его открытая улыбка меня настораживала.

– Тебе здесь не нравится?

– Мне здесь неуютно.

– Жаль. – Марк поджал губы и тут же подозвал официанта.

Он попросил счет.

– А вы разве не будете есть второе?

– Позже поем. Не хочу смотреть, как ты ковыряешься в тарелке, продолжая мучиться от голода.

Кажется, я все-таки его разозлила. Или не я. Но что-то определенно вывело мужчину из себя. Хоть он этого и не

спешил показывать.

Больше за руку он меня не брал и даже не приобнимал, пока мы спускались по красивой витиеватой лестнице, лишь помог надеть мне куртку и открыл передо мной дверь своей машины, помогая в нее забраться.

– Скажи свой адрес.

– М-м-м... – не знаю, почему я замялась. Совсем не из-за того, что не хотела так скоро с ним расставаться, и не из-за того, что он так быстро оборвал нашу беседу, а я осталась в полной уверенности, что Марк хотел мне что-то еще сказать, но передумал. Глупости какие-то, но между тем... – А не могли бы вы меня отвезти за город? К Вавиловым. Я обещала Олесе приехать к ней на все выходные.

– Что, даже без вещей?

– Зачем? У меня целая комната в их доме есть. С вещами первой необходимости.

– Ладно, как скажешь, – словно сдался он, хотя я же понимала, что для него это слишком длительная поездка, особенно если у него оставались нерешенные вопросы в Москве и ему сегодня придется возвращаться обратно.

– Ладно, – вторила я Марку спустя двадцать минут тишины. Он даже музыку на этот раз не включил. – Вам не нравится, что я к вам на «вы».

– Я считаю это глупостью, – он не отвел взгляда от дороги, но ответил мгновенно, – хотя я надеялся, что сама ты не глупа.

– Надеялись? – Марк слегка повернул голову и задорно глянул на меня. С вызовом. Кажется, сейчас он пытался меня на что-то подбить. И у него это прекрасно получалось, потому что... – Хорошо, надеялся? Какое тебе вообще дело до того, какая я.

– Значит, все-таки не глупая. Это хорошо...

– Кому от этого хорошо?

– Еще красивая, – спокойно перебил он меня, не отвечая на вопрос, только запутывая еще больше.

– Спасибо.

– И забавная.

– Да что вам надо от меня?!

Все-таки назвав меня неглупой, он слишком поспешил. Была бы умной, сидела бы и в тряпочку помалкивала. А была бы еще умнее, сидела бы в одном из лучших ресторанов столицы и наслаждалась его кухней. Скорее всего, единственный раз в своей жизни.

Я слишком вспыльчивая, слишком...

– Ты мне понравилась, – припечатал Скольников. Не заигрывая, не намекая на что-то там, просто ставя меня перед фактом.

Оставшаяся дорога прошла в молчании. Я больше не хотела лезть на рожон, мечтая быстрее добраться до Олеси. Поговорить с ней сейчас нормально вряд ли получилось бы, но Морковочка меня определенно бы отвлекла от мыслей о взрослом дядьке. Ну и что, что он красив и внешне ему не

дашь и тридцати пяти? Нужно было смотреть правде в глаза. Скольников для меня дядька. Чертовски привлекательный, манящий и пугающий меня дядька.

Слышал бы он мои мысли, пожалуй, точно высадил бы из машины.

В закрытый поселок мы заехали без проблем. Машину Марка даже не остановили для проверки. Я прежде приезжала сюда только на такси, и хоть охранники уже знали меня в лицо, но они все равно каждый раз проверяли мой паспорт и сверяли его данные со списками. Сейчас же перед нами просто подняли шлагбаум и дали спокойно проехать.

Машина затормозила у высоких ворот. Участок Вавилова был огромным, на нем нетронутыми росли вековые сосны, был пруд и небольшой парк. И от ворот до главного входа нужно было идти минут десять, не меньше.

– Там до дома, конечно, далековато, – угадал направление моих мыслей Марк, – но, думаю, ты дойдешь? – Я кивнула и потянулась к ручке, толкая дверь, только вот та мне не поддалась. – Ты когда обратно? Я могу забрать тебя вечером в воскресенье.

Я просто открыла рот и тут же его захлопнула. Смысла начинать говорить не было никакого. Мой голос меня все равно не послушался бы.

– Посмотри на меня, – приглушенно сказал Скольников, и тут же я почувствовала порыв воздуха, а затем и мужские пальцы на подбородке, Марк повернул мою голову и перед

тем, как оторвать от меня руки, провел подушечками пальцев по левой скуле, как бы невзначай, но все же погладил. Я сглотнула. – Как я уже сказал, ты мне понравилась, и я бы хотел продолжить наше с тобой знакомство. Подумай об этом.

– Вы... – Заметив, что он поморщился, я облизала вмиг пересохшие губы. – Ты, предлагаешь мне... Я не совсем понимаю, о чем именно ты говоришь.

– Я тебя хочу, Карина, – спокойно произнес он. В его голосе не было ни капли желания.

– Ты предлагаешь мне отношения? Встречаться? – Я была в таком шоке, что мне сейчас всего моего словарного запаса бы не хватило, чтобы описать все то, что я чувствовала и думала.

– Немного не так, Карина. – Он взял мою ладонь в руку и начал водить большим пальцем по моему запястью. – Мне не нужны отношения как таковые. Слишком много сложностей от них, и времени они отнимают уйму. Но так как от мужской физиологии никуда не денешься, то... – Он улыбнулся. – Включай уже логику, Карина, я и так слишком корректен.

Ну-ну. Корректен он. Да прямо-таки джентльмен из высшего общества.

– Вы переспали со мной, вам понравилось, и вы хотите ещё, – чеканя слова, проговорила я.

В жопу всю его корректность. Индюк напыщенный.

– Ты сейчас говоришь слишком грубые вещи. – Ха! Знал

бы он, какие вещи я думаю. – На самом деле ничего сверхординарного я тебе не предлагаю. Подумай об этом до воскресенья. Нам было хорошо вместе. Да, ты была под вещами – слава богу, не сильно опасными. Если тебе будет спокойнее, я проконсультировался со знакомыми врачами о возможных последствиях. Все могло быть гораздо хуже, выбери Роман другие таблетки. Сын, конечно, жутко безответственный, но головой думать иногда старается.

– Да вы... ты... он...

– Стой, – Марк заговорил тихо, но голосом давил так, что я тут же осеклась и замолчала. – Не отрицай, что тебе было хорошо, тебя тянет ко мне и сейчас. Этого нельзя не заметить. Меня тянет к тебе, ты больше не девственница. Так к чему устраивать все эти танцы вокруг да около?

– Ты хочешь, чтобы я стала твоей любовницей?

– Тебе не кажется, что это слово – пережиток прошлого? Подумай, Карина. Я понимаю, что ты слишком молода. Да я пока сам не до конца уверен, что хочу во все это ввязываться. Но за две недели мое мнение не изменилось, и я все еще хочу тебя. – Он ласково улыбнулся. – Знаешь, это как словно мне дали надкусить вкусную конфету и тут же завернули ее в обертку, надежно спрятав от меня. А я уже распробовал, вошел во вкус и очень хотел доесть ту самую конфету. – Его взгляд загорелся, а я начала жадно глотать воздух, потому что именно сейчас в словах Марка было намного больше желания, чем тогда, когда он говорил напрямую о том, что

хочет меня. Тогда это были лишь слова, которые ничего не несли за собой. Сейчас же Скольников немного приоткрыл мне свои истинные желания так, как чувствовал их, и это меня пугало.

Съесть он меня захотел. И ведь съест же. Сколько ночей, подобных прошлой, ему понадобится? Одна, две, три? Ведь нельзя есть только одни конфеты, да еще и с одинаковой начинкой. Тошнить от этих конфет будет уже через месяц. Поэтому он и не предлагал мне отношения или что-то подобное. Даже любовницей его быть не предложил. Просто дал вежливо понять, что хочет меня трахнуть еще разочек. Ну или пару разочков.

Выпустив мою руку, Марк разблокировал двери, видимо решив, что сказал все, что собирался, а я пулей вылетела из его машины и нервно начала трясти сумку в поисках ключа от замка в высеченной прямо в воротах двери. Попутно решая, что останусь у Олеси всего на одну ночь и завтра же уеду домой, не дожидаясь воскресенья. От греха подальше.

Глава 5

Марк включил задний ход, а затем выкрутил руль, отъезжая от ворот. В сторону выезда он не повернул: раз уж заехал в поселок, то и на стройку можно было глянуть. Земля здесь была на вес золота, и почти все участки застроены и выкуплены еще поколение назад. Вавилову дом достался от отца, который урвал территорию еще в конце девяностых. Сам Марк в то время только предпринимал первые попытки встать на ноги. Довольно слабые попытки.

Но в этом году удача улыбнулась и ему: один когда-то весьма богатый, но бестолковый наследник промотал все свое состояние и вынужден был выставить дом на продажу. Скольников узнал первым по своим каналам и без раздумий выкупил землю. Теперь у него почти не оставалось свободных активов, зато его переполняло чувство удовлетворения. Дом он решил капитально отремонтировать, полностью перестроив, и сейчас был очень доволен увиденным. Процесс шел семимильными шагами, и оставалась самая малость, к новому году процесс однозначно уже завершится.

Через час Скольников добрался до другого загородного поселка, менее престижного, но все же не последнего по значимости. Этот дом он любил, но бывал здесь редко, и сейчас Марку хотелось отдохнуть. Насладиться тишиной и одиночеством. Городская суета его утомила, он только вернулся из

Германии, чувствуя себя мальчиком на побегушках. Без него не справились, и пришлось лететь самому, это было слишком. . . утомительно. Да, кажется, он уже прокрутил это определение в своей голове.

Заехав на территорию и припарковав машину, Марк даже в дом заходить не стал, сразу направился к гамаку и, как был в костюме, так и лег. В таком положении открывался безумно красивый вид, особенно сейчас – ранняя осень, безмятежное голубое небо, разноцветные макушки деревьев, с которых только-только начинала тихонько осыпаться листва.

Марк расслабленно прикрыл глаза, и в первую секунду перед ними встало улыбчивое девичье лицо. Карина. Девочка была слишком красивой. Слишком в его вкусе и слишком похожей на. . .

В этот момент в его ладони завибрировал телефон, и Марк забористо выругался. Он даже не заметил, как взял девайс с собой. Вот она – дурная привычка всегда оставаться на связи и быть в курсе любых проблем. Всюду таскаешь телефон совершенно неосознанно.

– Да, – быстро ответил он. Звонила Настя.

– Марк. . . – Киреева прокашлялась и поправила саму себя: – Марк Всеволодович, – да, ему и саму было тяжело перейти на рабочий лад и называть ее по имени-отчеству, как полагалось по деловой этике, – как ты и предполагал, он меня ждал у подъезда сразу после самолета. И я бы действительно не успела отдать ему не те документы.

– Не нервничай, – он старался ее успокоить, голос женщины дрожал, а Марк все же досадливо поморщился и, еще сильнее зажмурившись, потер переносицу. – Это не настолько серьезная и важная информация.

– Он же узнает, что я его обманула.

– И ничего тебе не сделает, успокойся. Насть... – Марк поднялся, опуская ноги на землю, и перешел на более личный тон: – Дай мне время. Месяц максимум, я с ним разберусь. Он меня самого уже знаешь как достал? Зубы у него еще не выросли, а уже пытается ими что-то откусить. Да еще и от меня. Он тебе ничего не сделает, но надо его хорошенько проучить.

– Да, хорошо. Хорошо. И... спасибо тебе, Марк.

– Пустое, Насть. Если вдруг Ребров объявится еще раз, звони сразу же.

– Да, хорошо.

– Как дома дела?

– Все отлично, я настолько рано приехала, что, хоть и пошумела знатно, Кристинку все равно не разбудила. Так что зря переживала о времени вылета.

– Ну и хорошо.

Марк отбил вызов и все-таки поднялся и пошел в дом. Ему категорически не нравился интерес Реброва к Киреевой. Этот мелкий урод давно пытался ему пакостить. Прежде Скольников смотрел на это с пренебрежением, такая мелочь его никак не задевала, но сейчас Ребров словно

вмешался во что-то личное. Запретное. Он полез к Насте, как только та заняла высокую должность. Видимо, решил, что Скольников поставил туда одну из любовниц, охочую до денег. Только вот с Киреевой Марка связывало кое-что куда более серьезное.

Скольников встретился с Настей этим летом, случайно. В лифте торгового центра. Подумать только, они не виделись почти двадцать лет. Он даже не узнал ее сначала, она сама его окликнула, они разговорились прямо там, в лифте, и только потом продолжили общение в ресторане, вспоминая прошлое, и Марк решил ей помочь. В память.

Да, именно в память. Он как раз в то утро уволил директора по маркетингу и связям с общественностью, и у него в голове словно что-то щелкнуло, как только Настя показала фотографию дочери, а затем рассказала о своей должности на работе.

Это назначение стало для многих неожиданностью, но Киреева оказалась толковым специалистом с единственным минусом: она не умела командовать, и если в ближайшее время она не привыкнет к новой должности и положению, то ему придется ее понизить. Увольнять, конечно же, ее не будет, но...

Он надеялся, что Кристинка его за это простит.

Настя назвала дочь в честь погибшей младшей сестры. Удивительно. А еще удивительно, что девочка была скорее похожа на Настину сестру, чем на саму Настю. Марк словно

на пару мгновений потерялся в прошлом и настоящем, увидев фотографию девочки.

Наверное, поэтому Скольников и решил помочь Насте. Вспомнил свою молодость и первую да и, пожалуй, единственную любовь. Он мысленно пообещал Кристине хотя бы выправить финансовое положение ее старшей сестры. Нелегко в наше время было поднимать ребенка на ноги в одиночестве. Но летом Скольников даже предположить не мог, что спустя пару месяцев встретит девушку, еще более похожую на Кристинку.

Словно одно лицо.

Марк тогда вернулся поздно ночью из очередной деловой поездки, а потому поехал в дом, который был ближе всего к аэропорту, просто чтобы лечь и уснуть. Да, у него было много недвижимости. Квартиры в каждом его построенном жилом объекте он даже не считал. А вот в дома за городом и за границей он вкладывал любые свободные деньги. Это было его странным пунктиком, что, в общем-то, не особо удивительно для генерального директора строительной компании.

И Марк никак не ожидал наткнуться на студенческую вечеринку, но разгонять молодежь не стал, просто молча поднялся в свою спальню. Звукоизоляция была первоклассной, потому за свой сон он и не думал переживать, но даже предположить не мог, что в душе его ждала Кристина.

В первый момент он решил, что его посетила белочка. Такие живые глюки. Молодая, красивая и голая Кристина. Ко-

гда она потянула к нему руки и тут же набросилась на его губы, Марк осознал, что она все же живая, а раз живая, значит, это была не Кристина. Но вот девушка начала гладить его грудь, (он же тоже был голым, не идти же в душ одетым), а потом прижалась к нему своим юным трепещущим телом, и все. У него сорвало все предохранители. Любые тормоза полетели к чертям.

Он впервые за двадцать лет не подумал ни о защите, ни о том, кто вообще эта девушка такая и как она тут оказалась. Мыслей не было никаких. Даже тогда, когда он понял, что лишил ее девственности. Неожиданно. Он все равно не смог остановиться. Унес ее в спальню и все же рассмотрел внимательнее, когда брал в следующий раз, более медленно, более тягуче. Смакуя удовольствие.

Тогда он понял, что девочка всего лишь похожа и так же молода, как и Кристина, когда он видел ее в последний раз. Девушка же в его постели цеплялась за него как обезумевшая, желая его и даря ему свое тело.

Он забыл о том, что собирался выспаться и вообще хотел спать, полностью утонув в испепеляющей разум страсти, но все же его срубило, а наутро никого рядом с ним не оказалось. Ни единого, мать его так, следа.

Скольников даже решил, что чокнулся. Уработался. Точно. Вместо того чтобы расспросить непутевого сына, Марк приехал на работу и полез в интернет искать статьи о том, кто ему сейчас нужен: психолог, психотерапевт или сразу психи-

атр? Ну не могли же видения быть такими яркими. Да у него в штанах до сих пор все еще горело от того, как он выложил-ся этой ночью.

Полезной информации Марк так не нашел, а потому просто выискал координаты первоклассного психолога, даже выбил себе запись не через два месяца, а на следующей неделе. Но только вот неделя даже закончиться не успела, как надобность в визите к специалисту отпала. Девушка действительно существовала, и ее звали Карина. Он встретил ее на свадьбе у своего делового партнера. Сначала жутко разозлился, решив, что кто-то пронюхал про его прошлое и специально подослал ему девку, похожую на Кирееву, но все же Марк догадался поговорить с самой Мариной, и она развеяла его догадки, а ее дерзкий язычок очень его зацепил.

Конечно же, он проверил ее слова, хоть и поверил ей, но не мог не проверить. Как только молодожены покинули гостей, Скольников сразу же уехал – не в ближайший дом, в котором он находился сейчас, а в городскую квартиру, где жил его сын. Тому Марк устроил форменный допрос с пристрастием и последующей урезкой лимита на карте на ближайшие три месяца.

Сын всегда был головной болью Марка, но подобной низости он не ожидал даже от него. Опоить девушку, чтобы затащить в постель, потому что она, видите ли, постоянно посылала его на три буквы. И правильно делала, что посылала. Марк ему и по морде бы врезал, не будь тот его сыном.

Упустил он парня, что ни говори. Да и не занимался он никогда должным образом его воспитанием, чтобы претендовать на звание отца года. Первое время Марк вообще смотреть на ребенка не мог, потому что винил того сначала в том, что от Скольниковой ушла его Кристина, а потом и в ее гибели. Глупо? Еще как.

Но Марку потребовалось несколько лет для того, чтобы окончательно отпустить Кирееву и понять одну важную истину: если кто-то и виноват в том, что Кристина прекратила с ним всяческое общение и сбежала в другой город, то только он сам. И уж точно не ребенок, чья мать оказалась слишком хитрой, а отец просто идиотом, не умеющим предохраняться. В гибели же Кристины и вовсе был виноват только пьяный водитель, которого Марк чуть позже сжил со свету, но легче ему от этого не стало.

Как было погано на душе двадцать лет назад, так и сейчас, стоило только вспомнить свои первые и, по сути, единственные отношения. На матери Ромки он так и не женился, предательств Марк не прощал, а потому даже в жизни не помог ей устроиться, забрав у Оли ребенка, который и так-то не особо был той нужен, и отправил ее в вольное плавание, не забывая при этом пресекать любые ее попытки присосаться к очередному денежному мешку.

Все его размышления нарушила вибрация телефона. Марк взглянул на экран, и на его лице невольно расплылась довольная улыбка. Карина. Быстро же она. Скольников ду-

мал, она напомним о себе чуть позже.

«Я хотела просто по-тихому завтра свалить, чтобы вы тут ворота хоть до посинения целовали, но потом решила, что не собираюсь из-за вас терять лишний день с подружкой и любимой крестницей. Так что идите вы в жопу со своим предложением, Марк Всеволодович!!!»

Чего-то подобного он от нее и ожидал. Мужчина громко рассмеялся, особенно наслаждаясь количеством восклицательных знаков, и начал печатать ответ.

Глава 6

«Привет Вавилову и его красавице жене. А юной принцессе подари от меня шоколадку».

Ответ Марка на мою тираду пришел моментально.

– Да как он вообще?.. Гад! Вот же индюк напыщенный.

– Кариш, ты там что, сама с собой разговариваешь? – крикнула Олеся из детской.

Я специально вышла в коридор, чтобы поставить точку, а это индюк превратил ее в многоточие.

– Маме голосовое записываю, Лесь, – крикнула я и еще раз перечитала сообщение.

Я не буду на него отвечать. Не буду!

Но пальцы отчего-то сами собой потянулись к экрану и затарабанили по нему, набивая текст.

– Привет ей передавай.

– Ага, передам, – фыркнула я и тут же нажала на кнопку «отправить».

«Марише еще даже года нет! Какие могут быть шоколадки? Да вас к детям подпускать нельзя, Марк Всеволодович!»

Отключила звук на телефоне, заблокировала экран, а потом, крутанувшись на пятках, и побежала в выделенную специально для меня комнату. Спрятала телефон под подушкой, что не имело никакого смысла. Он же и так на беззвучном. Но мне все же стало легче, не было искушения тут же

кинуться и посмотреть, ответил Скольников или нет.

Я направилась в детскую к подруге и Морковочке и, переступив порог, натянула на лицо беззаботную улыбку. Именно в этот момент на запястье завибрировали часы, оповещая меня о сообщении.

Как же я могла забыть-то о них? Дура!

Прикусила губу, убеждая себя не поднимать руку и не смотреть на маленький экран.

– Карин, у тебя все хорошо? Ты какая-то странная сегодня.

– Все отлично.

Я растянула губы в ещё более широкой улыбке, аж щеки заболели, и пошла к Морковочке, сидящей на цветастом коврикe в окружении игрушек. Часы опять завибрировали, но я поцеловала свою крошку в макушку и сдержалась.

Часы завибрировали вновь, и я опять поцеловала Маришу.

На третье оповещение моей нервной системы уже не хватило, да и Морковочка отползла от меня поближе к Олесе. Я все же подняла руку и даже ощутила легкую досаду, увидев, что это было сообщение от мамы, отправленное в другом мессенджере. Она меня потеряла, а я только в этот момент вспомнила о том, что не предупредила ее о своей поездке к подруге.

– Лесь, я пойду маме позвоню. – Олеся молча кивнула, а мне все же пришлось вернуться в комнату и взять в руки

телефон.

А еще мне пришлось признаться самой себе в том, что вела я себя как сущий ребенок. Перед тем как набрать маму, я все же открыла переписку со Скольниковым и тут же громко выругалась. Он отправил мне фотографию огромной кровати, расправленной. А следом маленькую, но совершенно ясную приписку.

«Ты права, меня интересуют девочки постарше».

Ну вот как после такого можно сдержать не только язык за зубами, но еще и злость? Это же невозможно. Нужно быть либо чертовым бесчувственным роботом, либо пройти курс успокоительного. Я вдохнула-выдохнула и все же позвонила маме. Быстро с ней поговорила, обсудив домашние дела, накопившиеся за время ее отсутствия. Утром я ушла из дома до того, как она проснулась, поэтому толком мы и не поговорили. Скинув вызов, я еще раз зашла в переписку и нажала на фотографию.

– Интересно, это реальная кровать или Марк скачал из интернета обычную картинку? – задавшись этим вопросом, я начала рассматривать отправленную мне фотографию более подробно.

Красивое дорогое постельное белье светло-серого цвета, четыре подушки, которые так и манили положить на них голову и уснуть. Стоп! Я тут же свернула переписку, а затем вернулась обратно и быстро напечатала:

«Оставьте меня в покое!»

Хотела добавить его имя-отчество, но не стала, подумав, что он может решить, что я таким образом с ним кокетничаю. Только Скольникову было, видимо, совершенно пофиг на мое мнение и на мнимое кокетство, которого и в помине не было. Марк прислал мне еще одну фотографию – себя в кровати. Лица мужчины видно не было, он скорее фотографировал лишь ноги, но в кадр попал кусочек его рельефного живота, сразу за которым шел пояс хлопковых серых, на пару оттенков темнее, чем постельное белье, домашних штанов, а затем босые ступни. Ноги Скольников скрестил на уровне щиколоток, привлекая мое внимание к своим пальцам и подъему.

Я так долго пялилась на его фотографию, именно пялилась, что готова была начать проклипать себя за слабость.

Ну разве это нормально? Он мне делал такие весьма недвусмысленные намеки, а я тут готова слюнями залить экран телефона с его ступнями. Очень завораживающими ступнями. Они привлекли намного больше моего внимания, чем часть голого торса.

Фу такой быть!

Я попыталась дозваться до своего рассудка, но как-то все было без толку. Тут же на экране всплыло сообщение:

«Зря отказываешься, здесь очень уютно, мягко и тепло».

Все! Я окончательно заблокировала телефон и не стала ничего отвечать. Обойдется. Это не мне фу такой быть, это ему фу таким быть.

Скольникову же лет офигеть можно сколько, а он так сногшибательно выглядит и ведет себя, словно ему двадцать с небольшим. Заигрывает со мной, искушает...

– Ар-р-р... – практически зарычала я, как самый настоящий дикий представитель семейства кошачьих, кинула телефон на кровать и пошла к Олеся.

Больше в этот день о Скольникове я не вспоминала. Точнее, старалась не вспоминать. Я буквально заставляла себя думать обо всем на свете, только не о нем.

А вечером в одиннадцатом часу, когда я уже лежала в кровати и никак не могла уснуть, от Марка пришла еще одна фотография. На этот раз селфи, точнее его попытка. Видно было, что мужчина не позировал триста пятьдесят пять раз перед тем, как сделать самое удачное фото, а просто приподнял руку немного над собой и щелкнул себя. Марк лежал на животе, обнимая подушку, его лица практически не было видно, но на этот раз я залипла на могучие широкие плечи, которые выглядывали из-под слегка опущенного одеяла.

«И, как ни странно, тут еще и одиноко, Карина...»

У меня в горле ком встал, когда я прочитала его сообщение. Еще затряслись пальцы и участилось дыхание. Я попыталась прикрыть глаза, но в голове все равно стали проноситься видения то его плеч, то голых ног, то рук на руле, то наглого взгляда.

– Ладно-ладно! – Я словно пошла на сделку с собственной совестью и быстро напечатала ответ:

«Спокойной ночи».

Немного подумала и допечатала его имя-отчество. Хоть и чопорно, но теплее, что ли? Стоило только отправить сообщение, и меня сразу же сморил сон.

Утро наше началось не самым лучшим образом. За завтраком Олесе стало плохо. Я как раз наблюдала за семейной идиллией Вавиловых – Морковочка сидела на руках у Глеба, и оба родителя ее кормили, – и тут Олеся внезапно прижала ладони ко рту и побежала в сторону туалета.

Глеб попытался быстро подняться, но я его остановила, у него же на руках была Марина.

– Сиди, – выкрикнула я и побежала за Лесей.

Казалось бы, не было ничего страшного в утренней дурноте беременной девушки, но просто однажды Олесе уже стало так же плохо. Она побежала в туалет, но там из-за резкого скачка давления потеряла сознание и ударилась головой об унитаз, получив сильную травму.

Было страшно. Слава богу, Глеб вовремя спохватился, а я жила по соседству с Олесей и у меня были ключи от ее квартиры. Потому что слышать надсадный плач маленького ребенка из-за стенки и понимать, что с его матерью что-то случилось, иначе бы она его успокоила, было просто ужасно.

Сейчас я добежала до гостевой ванной комнаты и встала на пороге, чтобы и не нарушать личное пространство подружки и в то же время подстраховать, если что. Но как только Олесю затошнило, я почувствовала, как и у меня к горлу на-

чали подступать рвотные позывы, и через пару секунд меня уже выворачивало по соседству с Олесей.

Когда мы с подругой умылись и вышли из туалета, нас встретил хмурый Глеб.

– А вдруг вы съели что-то не то?

– Нет, меня просто повело. – Олеся махнула рукой и тут же покачнулась, я обхватила ее за талию, помогая. – Спасибо, – кивнула она мне и повернулась к мужу. – Я же беременна, это нормально.

– Карина что, тоже, по-твоему, беременна? – резко проговорил он, а я вздрогнула и дернулась, словно мне заехал по лицу настоящий громила.

Глеб, тут же поморщившись, смягчил тон, только вот я уже начала трястись от страха.

– Прости, – произнес он, виновато глянув на жену и чмокнув Морковочку в макушку, даже не глядя на дочь, словно рефлекторно. – Я просто волнуюсь за тебя. Если это обычное недомогание, то это одно, но вдруг вы все же отравились...

Да! Именно. Именно отравились.

– Давай мне Марину, – протянула я руки к ребенку, пытаясь успокоиться. Сердце стучало как ненормальное.

Я забрала Морковочку на руки и пошла с ней обратно на кухню, попутно размышляя о том, что я никак не могла быть беременной. Я же выпила таблетки. Да и прошло слишком мало времени. Хотя... Положенные месячные должны были начаться уже вот-вот, но вдруг из-за этих таблеток у меня

собьется цикл (это как раз значилось одним из побочных эффектов), а я зря устрою панику на ровном месте.

Нет, не надо забивать голову глупостями, и так Скольникова с его предложениями хватает.

Утром он прислал мне очередное сообщение. Опять кровать. Опять одинокая, но на этот раз прилежно заправленная.

«Прости, Карина, но дела зовут. Завтра забрать тебя не получится».

Будто бы я надеялась. Я, утром прочитав это сообщение, фыркнула, а Марк прислал второе, словно услышал:

«Могу забрать тебя сегодня. Сейчас».

Наглость – второе счастье.

Идея, как ему ответить, пришла мгновенно. Я все еще лежала в кровати, а потому подняла над собой телефон и, закрыв лицо второй рукой, пальцы на которой сложились в очень неприличный жест, сфотографировала себя. После отправила Марку фотографию, понадеявшись на то, что ему станет ясно все без лишних слов.

Наверное, так и было. Потому что ни вечером в субботу, ни утром в воскресенье от мужчины сообщений больше не было. Не то чтобы я ждала... Нет-нет. Я просто замирала от каждого звукового уведомления на телефоне, замирала, чувствуя, как сбивается дыхание, и сама себя ругала за глупость.

Домой меня отвез один из водителей Глеба. Все-таки подруге повезло несказанно. Почти история о Золушке. Слу-

чайно встретила принца, а принц оказался настоящим королем. У богатых чаще за идеальной оберткой оказывается гнилое нутро. Ну или что-то подобное, как у Скольникова. Вседозволенность портит людей. И кто бы мне ни говорил, что мои выводы основывались лишь на общепринятых понятиях, я была все равно в этом уверена.

Далеко ходить и не надо. Отец и сын – прекрасные представители элиты. Ага, да.

– Кариш, милая. – Мама села за кухонный стол напротив меня и, вытянув руку, накрыла ей экран моего смартфона, в который я пялилась, должно быть, как самая настоящая бешеная белка.

Да что же со мной такое? Я же сама его послала. И более того, я прекрасно понимала, что сделала все верно. Но все равно не выпускала телефон из рук.

– Да, мама? – Я подняла на нее взгляд и все же попыталась вытащить телефон, но она лишь крепче прижала его к столу.

– Я два раза тебя звала, – она мягко улыбнулась, – ты совсем меня не слышала, полностью погрузившись в эту свою виртуальную реальность.

Если бы, мамочка. Ох, если бы...

– Прости.

– Ничего, – отмахнулась она. – Это, видимо, бич современной молодежи, Кристина на твоём месте уже истерила бы и, наверное, попыталась бы отгрызть мне руку, лишь бы я вернула ей её телефон.

Мы вместе с мамой рассмеялись, и на душе сразу стало чуточку легче.

– Расскажи мне лучше, как прошло твое увольнение.

– Мам, все хорошо, – отмахнулась я.

Мама была против моей подработки изначально, но я устроилась в бар еще до того, как ее повысили в должности. Я уже открыла было рот, чтобы спросить ее о том, почему она нас обманула, но мама заговорила первой.

– Ты уже оплатила следующий семестр?

– Мам, только октябрь начался. Все в декабре обычно платят.

– Кариш, давай ты отложишь то, что заработала, а я дам тебе денег на оплату. У нас правда сейчас все хорошо в материальном плане. – Мама неловко улыбнулась, а я положила ладонь на ее руку, ту самую, которой она все еще прикрывала телефон.

– Отложи Кристине на выпускной, мам, ну правда.

– Боже, Кариша. Я что, в конце концов, не могу заплатить за дочь? Ты перегибаешь палку со своим желанием жить самостоятельно.

– Нет, просто я накопила достаточно денег, мне даже на следующий год обучения хватит.

– Вот и оплати тогда. – Она досадливо поджала губы, но смотрела на меня твердо.

– Зачем торопиться?

– А затем, что сейчас ты заплатишь по цене этого года.

А в следующем году тарифы могут повыситься. Не будь глупенькой, Кариш.

Я прищурилась и, состроив мордочку, попыталась заговорить зловещим тоном.

– Сейчас я буду грызть твою руку. Ам-ам-ам, – начала я стучать зубами, словно в нетерпении, мама же рассмеялась, поднялась и обняла меня, поцеловала в лоб.

А в понедельник я, все же прислушавшись к маминому совету, захватила с собой деньги и между первой и второй парой сбегала в кассу.

Скольников мне так ничего и не написал, но меня это совершенно не заботило. Конечно, я даже не вспоминала о нем. И вообще, всему виной был его сын, который меня больше не трогал, но так хмуро на меня поглядывал, что я после каждого такого его взгляда невольно вспоминала ноги Марка. И я, конечно же, не пересматривала фотографии. Еще чего. Нет-нет-нет.

В самый разгар четвертой пары на экране моего телефона замигал входящий вызов с неизвестного номера, перекрывая тем самым могучие плечи Скольникова, которые я не рассматривала. Нет-нет...

– Да, – прошептала я в трубку, нагнувшись.

– Ливанова Карина, тридцать шесть девятнадцать? – женский голос на том конце трубки назвал мой номер группы.

– Да-а, – протянула я, все еще находясь под партой.

– Это из бухгалтерии, подойдите к нам немедленно, –

грозно проговорила женщина и отбила вызов, а я отпросилась с пары и пошла в бухгалтерию, даже не догадываясь, что Скольников подложил мне очередную свинью.

Глава 7

– Что значит уже оплачено? – отупело спросила я, глядя на женщину из бухгалтерии как на умалишенную, хотя, наверное, сама я больше походила на сумасшедшую – жаль, не видела себя в зеркале.

– Именно то и значит, милочка. На, – она хлопнула ладонью по белоснежному листу бумаги, – пиши заявление на отзыв платежа. А то и так тут из-за тебя путаница чуть не случилась.

– Но я не хочу возвращать деньги. Пусть они пойдут на следующий год.

– Тут оплачено все до последнего курса, – возмутилась женщина. – Глупость несусветная. А если ты не доучишься? – с явным намеком спросила она, вздернув брови.

– Хорошо. – Я сжала ладони в замок, стараясь успокоиться. – На чье имя были платежи, вы мне хоть скажете?

– Хм... – Она сделала губы трубочкой, словно размышляя, а я очень красочно представила, как шлепнула с размаху ей по губам, просто из вредности, чтобы она не строила из себя тут мадам-уточку.

На пару мгновений мне стало легче. Ровно до того самого момента, пока блондинка не произнесла контакты заплатившего за мое обучение.

Я разозлилась настолько сильно, что вразрез тому, что

творилось в моей душе, а там все кипело от гнева, мило улыбнулась и совершенно спокойно поблагодарила женщину, не забыв при этом поинтересоваться датой поступления платежа. Затем с холодной, как говорится, головой заполнила нужное заявление, пошла с ним в кассу, забрала обратно свои деньги и все так же спокойно и размеренно вышла на улицу, там набрала номер Скольников. Затем скинула вызов, застегнула куртку, уже слегка нервно сбежала по ступенькам и, отойдя подальше от главного входа в институт, опять набрала мужчину, не забыв при этом глубоко вдохнуть и выдохнуть.

Мне хотелось убивать. Кричать. Визжать. Все то время, пока я держала свое спокойствие, которое истончалось все быстрее и быстрее ниточку, я обдумывала, какими словами лучше высказаться. Чтобы поглубже, пообиднее. Да доходчивее, в конце-то концов.

Но Скольников и тут оставил меня с носом.

– Карина, я очень рад твоему звонку, – без приветствия быстро заговорил он, – но мне сейчас совершенно некогда. Я сам тебя наберу, – закончил он и завершил вызов, не дав мне и слова вставить.

Я даже рот раскрыть не успела, замерла как вкопанная от его наглости и надменности. Он что? Он решил, что я согласилась на его предложение и потому позвонила?

– Вот же индюк напыщенный.

Набрала его номер еще раз, но меня скинули – два раза

подряд. Я же тихо зверела. Скольников заплатил за мою учебу еще две недели назад. В тот день, когда я не села в его машину. словно откупился так от меня, чтобы очистить карму за проступок своего сына, или же... От второго варианта руки холодели. Заплатил. Он словно оплатил мне ту гребаную ночь.

– Зато как дорого он тебя оценил, – хмыкнула я себе под нос и стала размышлять, где взять деньги.

Чтобы вернуть ему полную сумму, мне нужно было в два раза больше, чем у меня имелось. И это раздражало. Неимоверно просто.

В самом-самом крайнем случае можно занять у Вавилова. Они давным-давно нашли няню, но все же Олесе скоро рожать, и я могла бы им помочь. Да что говорить, я и так помогла бы им безвозмездно, но теперь хотя бы можно предложить отработать часть суммы.

– Господи, это же надо было так попасть, – прошептала я себе под нос и направилась по изученному до зубного скрежета пути на остановку.

Радовало лишь одно: после случившегося меня больше не тянуло посмотреть на его ноги, плечи... да и вообще думать о нем в том направлении мне больше не хотелось.

Когда Скольников мне перезвонил, был уже поздний вечер, мы с мамой и Кристей сидели в большой комнате и вместе смотрели вечерний сериал, который обычно шел после новостей.

Телефон громко завибрировал, он лежал на диване прямо рядом с мамой, я тут же подскочила с пола и схватила смартфон. Не думая ни секунды, скинула вызов и только потом поняла, как же глупо выглядело со стороны мое поведение.

Но что поделаешь? Я не хотела, чтобы мама увидела фото ног своего начальника. Вряд ли бы она узнала его именно по ним. Так же как и по подписи «Напыщенный индюк». Но все же лучше было зря не рисковать.

Зачем я вообще как-то подписала этого мужчину в телефонной книге, да еще и поставила на его контакт фотографию, я не знала. Или знала, но не хотела это анализировать и настолько глубоко копаться в себе.

– Милая, все в порядке? – нахмурилась мама, Кристина же просто в наглую меня отодвинула:

– Не мешай, ты же не стеклянная.

– Ага, – кивнула я и хотела уже присесть обратно, как вызов повторился. Я, конечно же, скинула его опять. Из вредности. Да и не стала бы я разговаривать с ним при маме с сестрой, но в этот момент я поняла, что Скольников не успокоится.

– Однотруппник настырный. – Я махнула на телефон, который опять ожил в моих руках и завибрировал вновь.

– Тот самый красавчик? – Кристина вмиг потеряла интерес к центральному каналу.

– Да, он, – широко улыбнулась я и поспешила в свою комнату, по пути все же принимая этот злосчастный вызов.

– На этот раз говорить буду я, – зло зашипела я в трубку, как только захлопнула за собой дверь.

– Ну, говори, малышка... – слышно было, что Скольников усмехнулся, тягуче и лениво. Расслабленно.

А я тут же начала прогонять из своего сознания картинки, на которых Скольников сидел, откинувшись в высоком кресле, непременно черном, с закинутыми на массивный рабочий стол ногами, на этот раз обутыми в черные туфли. Он прижимал своими длинными и тонкими пальцами телефон к уху и улыбался лишь краешком губ, но глаза его выражали высшую степень довольства.

Фантазии мне было не занимать, но образ Скольникова я так и не смогла развеять. Черт. Как же сложно было противостоять его напору. А ведь он и правда все это время молчал, лишь еле слышно дышал в трубку в ожидании, пока я пытала тут как ежик и решалась на гневную тираду.

– Вы! – громко произнесла я и тут же замолчала.

А чего я, собственно, добьюсь, если выскажу ему все, что о нем думаю? Господи, Карина, где твое хвалебное здравомыслие? Совсем мозги потеряла. Да еще и вела себя как психичка.

– Я... – В его голосе послышался смех. – Продолжай, Карина, я тебя слушаю.

В этот момент я представила, как мужчина опять довольно прищурился, напоминая сытого кота. И поняла: он забавлялся. Ему доставляло удовольствие издеваться надо мной.

– Я хотела поблагодарить вас за деньги, – спокойно выдала я, при этом щипая себя за ногу, лишь бы не сорваться и суметь сдержать язык за зубами. – Но это слишком большая сумма для извинений. Не могли бы вы их отозвать, Марк Всеволодович? Я все равно не держу зла ни на вас, ни на вашего сына.

У меня зубы сводило от этих слов, но я все равно продолжала говорить. Потому что только сейчас осознала, что вообще зря ему сегодня позвонила. Если он два дня не объявлялся, значит, правильно расценил отосланный ему мой фак. Все-таки ему не двадцать, как его сыну, чтобы бегать за девочками, а сегодня, получается, я сама пошла на контакт с ним. Да еще и именно так, как он того и ожидал от меня.

– Знаешь, Карина... – протянул Марк задумчиво. – Ты меня сейчас очень удивила, – откровенно произнес он, и я поняла, что это было не заигрывание, просто констатация факта.

С моих губ чуть было не сорвалась очередная колкость, что я рада за него, но я промолчала, ущипнув себя на этот раз за руку.

– И никаких обвинений? – усмехнулся Марк, словно подначивая меня.

Хотя почему словно? Это и было самым настоящим подначиванием.

– Нет, Марк Всеволодович, я же понимаю, что вы от чистого сердца заплатили за мою учебу. С самыми лучшими

и искренними пожеланиями, – фальшиво выдала я, на что мужчина рассмеялся, а я осознала, что у меня все равно не получилось.

Не получилось создать видимость спокойствия. Скольников все равно понял, как меня задевала вся эта ситуация. И он, словно кровососущая тварь, сейчас вампирил меня и мои эмоции, упиваясь ими.

– Малышка, у тебя все равно не получится меня обхитрить. Но это забавно. Честно, ты очень любопытная. И необычная. И сама же не даешь моему интересу к тебе остыть. – Марк вроде обращался ко мне, но у меня складывалось четкое ощущение того, что он говорил все это для себя, просто размышляя вслух.

– Деньги вы не отзовете?

– Это нереально, – выдохнул он будто бы тяжело, – даже если бы я захотел и у меня появилось бы на это лишнее время. Смирись.

– Хорошо, я все вам отдам, Марк Всеволодович.

– Интересно, как? – Я услышала шорох, затем словно щелчок замка, и следом фон в трубке изменился. Будто Скольников вышел на улицу.

– Я сегодня посмотрела в мобильном приложении своего банка. К вашему номеру привязана карта. Сначала собиралась передать деньги через Рому, но подумала, что он может оставить их у себя... – я словно заразилась от Скольникова... воздушно-капельным и так же, как и он, начала размышлять

вслух.

– Допустим, отдашь. И что дальше? Я даже спрашивать не стану, где ты их возьмешь. Карина, ты же смышленная девочка. Оказывается, и здраво, и почти безэмоционально рассуждать умеешь. Так почему ты сейчас не хочешь включить голову?

– Чтобы что? Чтобы прыгнуть к вам в койку? – вспыхнула я и тут же мысленно обозвала себя дурой. Стянула с кровати покрывало и, замотавшись в него, вышла на балкон. Нужно было сразу на него выйти. – Извините, Марк Всеволодович, но для этого мне нужно, напротив, голову свою отключить. Мы же откровенно сейчас с вами разговариваем, да?

– Да, – тихо ответил он, а я открыла оконную створку, облокотившись на подоконник, и поняла, что Скольников был сейчас не на улице, как мне показалось сначала. Слышался ветер, но звуки города были слишком отдаленными. Мужчина тоже был на балконе или какой-нибудь шикарной террасе. – Карина, я слушаю тебя.

– Я могла бы предположить, для чего вам все это нужно, – начала я, но совершенно не с того, с чего собиралась. – Но не стану. Для меня это лишняя, но почти очевидная информация. Да и сами вы говорили, вам интересно. Только для меня случившееся между нами в ту ночь значит намного больше. И больше не в романтическом плане. Мне действительно хочется все забыть. Вы, конечно, можете и дальше продолжать брать меня измором, и мы оба знаем, у вас рано или позд-

но это получится. Слышите, Марк Всеволодович? Я сейчас с вами предельно откровенна. – Я облизала губы и закуталась в покрывало еще плотнее. Мысли носились в голове хаотично, и я никак не могла выцепить из них более важные и значимые. – Но что из этого получится? По сути, вы предложили мне провести пару совместных ночевок. Я к такому не готова. Секс без обязательств – это определенно не мое. Даже если вы оплатите мне не только учебу, но и станете полностью меня содержать...

– Ну зачем ты так все опошляешь? – хмыкнул Марк.

– Я этот намек прекрасно уловила из вашего предложения, но, увы, для меня это неактуально. Слышите? Я пытаюсь говорить на вашем языке.

– Моем – это каком таком?

– Взрослом, – закусила я губу, понимая, как глупо и по-детски звучали мои слова, – деловом, умном. Да каком угодно. Услышьте вы меня. Даже если бы вы предложили мне отношения, я бы все равно на это не пошла. Но речи и не идет об отношениях. Я понимаю, вам хочется доесть конфету полностью, но конфета хочет остаться в живых, а не сгнить в вашем желудке, – быстро выговорила я и замолчала, чувствуя, что у меня даже воздух закончился и я начала задыхаться несмотря на то, что стояла на балконе и вдыхала прохладную осеннюю свежесть.

– Ладно, – спокойно и очень тихо ответил Марк, мне даже показалось, что у меня начались галлюцинации от нехватки

воздуха.

– Ладно? – то ли ахнула, то ли переспросила я.

– Да, Карина, я тебя услышал. Доброй тебе ночи, – размеренно произнес он и отбил вызов. Я же сжала телефон в руках, откровенно ничего не понимая и не веря в то, что у меня получилось его убедить.

А может, ему просто перестало быть интересно? И спокойная Карина уже не так заводит, как острая на язык Карина-язва. Да, наверное, в этом и было все дело, Скольников просто устал слушать мои нудные и серьезные доводы. «Пусть будет так», – успокоила я сама себя и как ни в чем не бывало вернулась в большую комнату к маме и Кристи. Мама мне улыбнулась, сестра же стрельнула любопытным взглядом, а я просто постаралась побыстрее выкинуть из головы более чем странный разговор со Скольниковым. Моя открытость и предельная откровенность пугала, и лучше было бы об этом не думать.

Глава 8

На следующий день первым делом я связалась с Глебом и уточнила у него о возможной встрече. Просить по телефону занять денег было как-то некрасиво. В офис к Глебу идти не пришлось, он обещал заехать вечером сам. Заодно забрать у меня Лесину пару ключей от ее же квартиры. Они остались у меня после их свадьбы, ведь сборы невесты проходили именно в ней, в тот день еще и Морковочка сделала свои первые шаги, а еще я второй раз увидела Скольникову...

На этой волне я прервала поток своих мыслей и отправилась в институт. Вечером, как и обещал, приехал Глеб и, услышав, что мне потребовалась крупная сумма, сразу же ее одолжил, не став при этом унижать меня барским замашками по типу «да не надо ничего возвращать».

– Отдашь, как сможешь. Или за Морковочкой няне поможешь присмотреть, когда Леся будет в роддоме, – подмигнул он мне, а на моем телефоне пикинуло уведомление, оповещающая о поступивших на счет деньгах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.